

№ 197. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 ИЮЛЯ 1904 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Без доставки на годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 75 к. На 3 мѣс. 1 р. 25 к. На 1 мѣс. 45 к.

Съ доставкой и пересылкою: на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 75 к. На 1 мѣс. 75 к. Отдѣльные №№ въ конторѣ редакціи и мѣстахъ продажъ по 3 к.

За перекладъ адреса иногородн. подписч. уплачив. 30 к., в городскіе, переходя въ иногор., — 50 к. Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Билетная плата за границу: в двѣ оцѣны противъ безостаточныхъ шильд. Подписки и объявленія принимаются въ редакціи конторѣ редакціи (Кремлевъ, № 36), отъ 10 ч. утра до 8 ч. веч., въ праздники отъ 12 до 3 ч. дня.

Адресъ типогр. газетъ: Пушкинская 4.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 18 ИЮЛЯ 1904 г. № 197

КРЕВСКІЕ ОТКЛЫКИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

УСЛОВІЯ ПЕЧАТАНІЯ ОБЪЯВЛЕНІИ

За одну строку въ столбцѣ или въ мѣсто для редакціи текста за первый разъ 40 к., за каждый слѣдующій разъ по 20 к.; полара текста—за первый разъ 20 к., за слѣд. разъ по 10 к. При абонитментѣ объявленія дѣлаются соотвѣствующая уступка лицамъ, ищущимъ труда, пользующимся уступкою въ размѣрѣ 50%.

Рекламы должны быть за полной подписью, и адресомъ автора и подлежащаго, въ случаѣ надобности, измѣненія и сокращенія. Желающіе получать обратно напечатанными рукописи должны приложить марку на пересылку. Мелкіе статьи, замѣтки и стихотворенія не возвращаются.

Редакція для личнаго объясненія открыта ежедневно отъ 3 до 4 ч. дня.

Редакція и гл. контора помѣщ.: Крем. 36. Тел. № 599.

Пестрыя замѣтки.

Умеръ А. П. Чеховъ.

Изъ несчастію для Чехова, судьба поставила его въ отношенія черезчуръ близкія къ г. Суворину. Спѣшу, однако, тутъ-же добавить, что въ точности не знаю, насколько отношенія эти были дѣйствительно близкими. Можетъ быть, ужъ вовсе не такъ нѣжна была любовь Антона Павловича къ „старикѣ Суворину“. Но дѣло въ томъ, что отношенія къ г. Суворину всегда черезчуръ близки. Дѣло въ томъ, что къ господину Суворину совсѣмъ никакихъ отношеній имѣть не надо. И всѣмъ намъ, любящимъ и почитающимъ прекрасное дарованіе угасшаго писателя, было бы куда пріятнѣе, и куда легче, если бы Антонъ Павловичъ съ г. Суворинымъ никогда не знался.

Но... фактъ остается фактомъ. „Отношенія“ были...

И вотъ, именно потому, что они были, да еще потому, что Чеховъ скончался, г. Суворинъ находится теперь въ превосходномъ, повидимому, настроеніи. Онъ получилъ возможность написать воспоминанія о покойникѣ, эти воспоминанія цитируются многими газетами, передаются даже по телеграфу,—и г. Суворинъ весело потираетъ руки.

Чехова не признавали, Чехова не цѣнили, Чеховымъ не дорожили,—вотъ что вопіетъ на разные лады обидѣвшійся за высшую справедливость нововременскій старецъ. „Либеральная“ критика глупа, бездарна, близорука, она полна злобы и коварства, въ геніи возводитъ только своихъ, а вотъ Чехова она не поняла и не хотѣла понять. Мы же, нововременцы, мы Чехова и поняли, и цѣнили, и возвеличили. Мы же его въ нашу компанію, еще раньше чѣмъ онъ на свѣтъ Божій явился, приняли съ радостью... Намъ честь, и слава, и благодарность потомства, вы же либералы и покойный „Союзъ писателей“ да будете посрамлены отнынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ...

Ахъ, „Новое Время“ ошибается!...

Оно Чехова вовсе не такъ ужъ баловало и ласкало, какъ теперь объ этомъ говорить. Устами „многоуважаемаго“ г. Буренина оно на драмы покойнаго изливало цѣлыя бочки... того, чѣмъ переполненъ до краевъ нововременскій критикъ. Что же касается до невѣжества, злобности, придирчивости и слѣпоты «либеральной» критики, то нужно признаться, что отрицательно она къ дарованію автора „Дяди Вани“ не относилась никогда.

Какъ только появился первый томикъ чеховскихъ рассказовъ, „либеральная критика“ признала въ авторѣ замѣчательный талантъ, и привѣтствовала его съ большой,—пожалуй, даже, съ черезчуръ большой горячностью. Л. Е. Оболенскій, напр., проводилъ параллель между Чеховымъ и Короленко и пальму первенства рѣшительно отдавалъ первому. Автора «Слѣпота музыканта» критикъ обвинялъ въ пристрастіи къ романтизму, въ сгущеніи красокъ, въ излишне приподнятомъ тонѣ. Указывалъ на то, что Короленко, для достиженія впечатлѣнія, одѣваетъ своихъ героевъ въ пестрые плащи и тоги, даетъ имъ въ руки мандолины или кинжалы и т. д. Чеховъ-же производитъ на читателя сильное впечатлѣніе самыми простыми средствами, рисуя самую обыденную жизнь и самыхъ обыкновеннѣйшихъ людей.

Излишней строгости, придирчивости къ автору „Пестрыхъ рассказовъ“, думаю, въ такомъ отзывѣ не слишкомъ много...

И много другихъ горячихъ отзывовъ было въ „либеральной критикѣ“. А если Михайловскій по «Пестрымъ рассказамъ» не предугадалъ, что Чеховъ напишетъ „Палату № 6“ и „Въ оврагѣ“, то это случилось только потому, что Михайловскій—огромный талантъ, первоклассный критикъ и мыслитель, но отнюдь не пророкъ.

Что у Чехова прекрасное дарованіе—это Михайловскій видѣлъ давнымъ давно. Что это дарованіе растрачивается на пустяки—онъ тоже очень давно говорилъ. Онъ это говорилъ, и онъ объ этомъ скорбѣлъ. И не скорбѣть объ этомъ могли только люди нововременскаго запаха, да „Московскихъ Вѣдомостей“, которые и зейчасъ сообщаютъ своему читателю, что „лучшія свои вещи“ Чеховъ написалъ въ молодости, когда „подражалъ Лейкину“ и когда печатался въ „Будильникѣ“ и „Стрелкѣ“...

Всѣмъ этимъ господамъ, разумѣется, мнѣе всего были штучки Антоши Чехонте, и имъ вовсе не пужно было, чтобы появились на свѣтъ позднѣйшія, по выраженію одного изъ рецензентовъ „Трехъ сестеръ“—„мстѣщія“ произведенія Чехова. Ну, а Михайловскій къ Антошѣ Чехонте относился безъ особеннаго энтузіазма...

Скажутъ, можетъ быть, что Чеховъ успѣлъ уже написать замѣчательныя

вещи, а Михайловскій медлилъ дать о нихъ отзывъ?

Что же, Михайловскій медлилъ дать отзывъ и о г. Короленко. Такъ долго медлилъ, что такъ и въ могилу сошелъ, ничего не сказавъ объ этой нашей звѣздѣ, цѣлые четверть вѣка, однако же, блистающей на небѣ литературы. Михайловскій не исключительно критикъ былъ, и много и другихъ литературныхъ явленій осталось безъ его оцѣнки. Но когда Чеховъ сталъ Чеховымъ, настоящимъ, большимъ, дорогимъ намъ Чеховымъ, Михайловскій воздалъ его таланту должное и увѣнчалъ такими лаврами, душистыми и пышными, которые навсегда останутся лучшими въ вѣнкѣ почившаго писателя, и г. Суворинъ совершенно напрасно суетится у этого вѣнка со своими «цвѣтами»...

Другой критикъ «Русскаго Богатства» г. Подарскій о «Трехъ Сестрахъ» отозвался съ большою похвалою. Г. Подарскій пьесы на сценѣ не видѣлъ. Онъ судилъ о ней только какъ читатель, а не какъ зритель. При такихъ условіяхъ отзывъ его, конечно, не могъ быть достаточно полнымъ,—ни полнымъ, ни точнымъ. Но и въ неточномъ, и въ неполномъ отзывѣ признавалось, что «Три Сестры»—произведение глубокое и значительное, великолѣпно рисующее пошлую, мрачную, пустую, «зоологическую» жизнь нашей провинціи.

«Пѣвецъ тоски по идеалу»—такъ зовутъ теперь Чехова. И онъ дѣйствительно имъ былъ,—этимъ пѣвцомъ. И кто же можетъ въ точности опредѣлить, насколько, въ этомъ именно смыслѣ, повліяли на него писанія Михайловскаго? Вѣдь эти слова,—«пѣвецъ тоски по идеалу»—въ примѣненіи къ Чехову, первый сказалъ именно Михайловскій. И я думалъ бы, что онъ или значительно помогъ Чехову разобратся въ самомъ себѣ, и помогъ ему выйти на надлежащую, на славную, столь важную и для самого писателя и для насъ, его читателей и учениковъ дорогу...

Я тутъ не «либеральную критику» защищаю. Либеральная критика ни въ какой защитѣ не нуждается. Я хотѣлъ бы только сказать, что нововременская компанія напрасно хлопочетъ, напрасно пристраивается къ могилѣ угасшаго писателя. Чеховъ мертвъ, отогнать фамиллярныхъ моншеровъ не можетъ и сдѣлать это должны его почитатели. Копыта прочь, и оставьте дорогой прахъ чистымъ!

Читателю моему я хотѣлъ бы напомнить слѣдующее—довольно-таки неуклюжее, четверостишіе:

Беллетристику то, эхъ, увы!
Пишутъ Гаршины да Чеховы,
Баранцевичи да Альбовы,
Прочитаешь, станетъ жаль Бовы.

Горюетъ, видите ли, авторъ, что беллетристику пишутъ «Чеховы». Да и какъ не горевать при видѣ такого упадка? Какъ не горевать при видѣ нашего «Чеховыхъ?» Понятно, поэтому, что рифмоплетъ горюетъ, скорбитъ, жалѣетъ и «увы» вскрикиваетъ.

А хотите знать, кто авторъ этого четверостишія?

А это г. Буренинъ.

Теперь гг. Буренины бьютъ себя въ перси и со слезами на глазахъ вопіютъ, что только они благородны и великолѣпны, а что «либералы» обидѣли Чехова, не оцѣнили, загнали, и въ «Союзъ писателей» не выбирали. Господинъ Суворинъ, тотъ до такой степени литературу любилъ, что Чехову, при жизни писателя, имѣніе подарилъ, а по смерти его—расходы по погребенію на себя взять хотѣлъ. Не то что «либералы» и свирѣпые критики изъ ихъ лагеря!

Увы, Михайловскій и другіе «либералы»—имѣній преподнести никому не могутъ. Они и похороны на свой счетъ устраивать не въ состояніи. Они иной разъ, и на собственные похороны ничего не оставляютъ. Но это все не страшно. И какія бы пышныя похороны г. Суворинъ писателямъ ни устраивалъ, какія бы великолѣпныя имѣнія имъ ни дарилъ, ему ничто уже не поможетъ, и онъ такъ г. Сувориннымъ и останется.

Посторонній.